

В. А. Ильиных

**СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА
В КОНЦЕ 1910-х–1920-е гг.: КРИТЕРИИ, ТЕНДЕНЦИИ, ФАКТОРЫ**

doi: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-128-134

УДК 94(470.5)“1941/1945”

ББК 63.3(235.55)622

В статье осуществлена реконструкция основных тенденций социальной мобильности российского крестьянства в конце 1910-х–1920-е гг. В качестве критерия социально-имущественного статуса крестьянского двора выступает его обеспеченность тягловой силой. Изменение соотношения групп хозяйств по наличию рабочего скота позволяет определить ряд этапов социальной мобильности крестьянства. В 1917–1920 гг. ее основным направлением был переход в менее состоятельные группы. Основными факторами поравнения деревни стали аграрная революция и Гражданская война. В 1921–1922 гг. произошло обеднячивание деревни, причинами которого явились продовольственная политика большевистского режима и катастрофический неурожай. В недородных регионах обеднячивание перешло в стадию пауперизации. С 1923 г. началось восстановление аграрной экономики на базе нэпа, а доминирующим направлением социальной мобильности крестьянства вплоть до 1927 г. стал переход в более состоятельные группы. В конце 1920-х гг. экономический и политический нажим на зажиточное крестьянство привел к нивелировке деревни на низком имущественном уровне. Несмотря на периодическую смену векторов социальной динамики, абсолютно преобладающей группой российского крестьянства в 1920-е гг. оставалась беднота. Новая экономическая политика действенных механизмов для преодоления деревенской бедности не создала. На основе мелкого крестьянского хозяйства модернизация страны была невозможна.

Ключевые слова: *социальная мобильность, крестьянство, аграрная политика, нэп, осереднячивание*

Самой крупной социально-классовой группой в Советской России в 1920-е гг. являлось крестьянство. Его удельный вес в общей численности населения страны на протяжении 1920-х гг. превышал 75 %. В силу абсолютного преобладания крестьян их социальная мобильность имела определяющее значение для социально-экономического развития страны. Определение базовых тенденций социальных сдвигов в деревне было одним из приоритетных направлений проводимого в РСФСР/СССР в 1920-е гг. статистического мониторинга. Параллельно со сбором информации осуществлялся ее анализ, в ходе которого решалась задача выявления удельного веса основных групп крестьянства. Их социальная интерпретация зависела от политических и научно-теоретических позиций экспертов.

«Неонародники» отрицали социально-классовое расслоение нэповской деревни. Сторонники левой оппозиции заявляли о полномасштабном возрождении в условиях нэпа капиталистической дифференциации крестьянства.

Лидеры партийного большинства с подобными воззрениями согласиться не могли: признание факта капитализации деревни ставило под сомнение правильность проводимой ими аграрной политики, а его отрицание противоречило ленинскому утверждению о том, что мелкотоварное производство «рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе».¹ Выходом из создавшейся коллизии стала формулировка, принятая XV конференцией ВКП(б): «В политических и экономических условиях СССР особенностью дифференциации крестьянства является то, что наряду с ростом кулацких элементов деревни и пролетаризацией некоторой части бедняцких хозяйств происходит экономический подъем другой части бедняцких хозяйств. Средняцкая масса деревни, пополняясь экономически поднимающимися бедняцкими хозяйствами, остается по-прежнему главной силой земледелия».²

Постулат об осереднячивании крестьянства как о генеральной тенденции социальных сдвигов в деревне на протяжении 1920-х гг.

Ильиных Владимир Андреевич — д.и.н., заведующий сектором аграрной истории, Институт истории СО РАН (г. Новосибирск)
E-mail: agro_iwa@mail.ru

¹ Ленин В. И. Детская болезнь левизны в коммунизме // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1981. Т. 41. С. 6.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4. С. 77.

являлся «священной коровой» советской историографии. Вывод о том, что «центральной фигурой» доколхозной деревни выступает середняк, не подлежал ревизии.³ В постсоветский период интенсивность изучения данной проблемы существенно снизилась, а ее анализ проводится лишь на региональном уровне. При этом трактовки базового тренда социальной мобильности крестьянства стали более разнообразными. Так, Т. Д. Надькин придерживается традиционных взглядов, утверждая, что в Мордовии в 1926–1929 гг. происходило укрепление средних слоев крестьянства, которые были самой многочисленной группой деревни.⁴ С. А. Есиков, доказывая, что доля середняцких хозяйств в общем количестве крестьянских дворов в Тамбовской губернии в годы нэпа постоянно увеличивалась, тем не менее считает, что более правильным является определение социальных процессов в деревне как поравнение.⁵ По нашему мнению, в первые годы нэпа в Сибири произошло обеднячивание деревни. С 1923 г. началось увеличение удельного веса средних слоев за счет бедноты. Данный процесс можно условно определить как осереднячивание, но лишь относительно периода начала 1920-х гг. Сравнение социальной структуры сибирского крестьянства в 1916 и 1927 гг. показывает, что относительно дореволюционной деревни нэповская не осереднячивалась, а нивелировалась на более низком среднем уровне.⁶

На современном этапе развития историографии актуализировалась задача перехода от региональных исследований к более широким обобщениям социальных сдвигов в деревне. Задача настоящей работы состоит в выявлении основных критериев, тенденций и факторов внутриклассовой вертикальной социальной мобильности российского крестьянства в 1920-е гг. Основным источником являются

опубликованные материалы сельскохозяйственных переписей 1917, 1920–1929 гг. Для более точного определения временных отрезков, в рамках которых фиксируются годовые изменения, вводится понятие учетный год — период между двумя переписями, проведенными в предшествующий и текущий год (например, 1925/26 г.).

Советское крестьянство имело сложную и постоянно изменяющуюся структуру. Традиционно сами крестьяне (а вслед за ними и эксперты) выделяли в своей среде три основные социальные группы — бедняки, середняки и зажиточные (кулаки). Эти группы, в свою очередь, были стратифицированы по имущественному признаку. Установить четкие рубежи между отдельными стратами внутри крестьянства практически невозможно в силу их подвижности в историческом времени и природно-географическом пространстве. Даже применение относительно совершенных методик может привести лишь к условным результатам. Тем не менее условность внутриклассовых границ не является препятствием для достаточно точного определения основных тенденций социальной мобильности крестьянства. Вполне применимой для данной цели может стать группировка крестьянских хозяйств по натуральным признакам.

Исходя из имеющейся источниковой базы, большинство исследователей за основу социально-классового деления деревни брали посевные группы. При этом существовали различия в определении границ между социальными группами крестьян. Однако величина посева является недостаточно надежным показателем социального положения крестьянского двора даже в масштабах одного региона, а тем более страны в целом. Более того, привязка посевной группы к той или иной социальной группе может существенно различаться и в пределах одного округа.

Более репрезентативной, на наш взгляд, является группировка крестьянских хозяйств по количеству голов рабочего скота.⁷ В. П. Данилов отмечал: «Производственный потенциал мелкого индивидуального хозяйства, его имущественное и социальное положение зависели в первую очередь от наличия рабочего скота. Крестьянин, не имевший рабочего скота,

³ См.: Гуцин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 50, 51, 153; Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. С. 307, 309, 358; История советского крестьянства. М., 1986. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927. С. 213; 287; и др.

⁴ См.: Надькин Т. Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М., 2010. С. 62, 63.

⁵ См.: Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921–1928 гг.). Тамбов, 2004. С. 38, 39.

⁶ См.: Ильиных В. А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х — начало 1940-х гг.): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 47–58.

⁷ В земледельческом хозяйстве России абсолютно преобладающим, а в ряде регионов — единственным видом рабочего скота являлись лошади. В южных регионах страны в качестве такового также использовались волю.

утрачивал возможность своими силами вести семейно-индивидуальное хозяйство, начинал терять черты мелкого самостоятельного производителя — «раскрестьянивался».⁸ В материалах сельскохозяйственных переписей 1920-х гг. обследованные крестьянские хозяйства по количеству голов рабочего скота разбивались на 5 групп: 1) без рабочего скота; 2) с одной головой рабочего скота; 3) с двумя головами; 4) с тремя головами; 5) с четырьмя головами рабочего скота и более.

Но и для перечисленных групп возникает проблема их социальной интерпретации. В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» применительно к Европейской России относил дворы без лошадей и с одной рабочей лошадью к «низшей» группе крестьянства («бедноте»), с двумя лошадьми — к средней, с тремя и более — к «высшей» («богачам»)⁹. Советские ученые, исследующие аграрную историю 1920-х гг., были вынуждены игнорировать данную позицию. По их мнению, в европейской части России бедняки, как правило, не имели рабочего скота, а большинство середняков были однолошадными.¹⁰ Если бы исследователи относили однолошадные дворы к бедноте, тезис об осереднячивании нэповской деревни не подтвердился бы.

В целом, мы разделяем позицию В. И. Ленина, за исключением того, что не считаем крестьян с четырьмя рабочими лошадьми «богачами». Крестьянские дворы без рабочего скота относятся к стратам пауперов или батраков. Дворы с одной головой рабочего скота нами определяются как «маломощные». В данное понятие, используемое широко, но неоднозначно в аналитических работах, мы вкладываем более конкретные количественные критерии. Тяговая мощность подобного хозяйства сводится к одной натуральной лошадиной или воловьей силе. Обе группы дворов (с одной головой и без скота) мы включаем в категорию бедняцких. Хозяйства с двумя головами рабочего скота относим к средней, с тремя и более — к высшей группе по обеспеченности рабочим скотом, однако однозначно к категориям середняков и зажиточных их не причисляем.

На основании опубликованных статистических материалов нами реконструирована группировка крестьянских хозяйств в 1917–

1926 гг. (см. табл.). В силу особенностей источниковой базы формирование территориально сопоставимого непрерывного динамического ряда для всего исследуемого периода невозможно. Административные и экономические границы постоянно менялись. Изменялась методика сбора и обработки первичной информации. Выборочные сельхозпереписи в начале 1920-х гг. проводились не во всех районах. Несмотря на дискретность данных в таблице, составляющие ее части вполне сопоставимы.

Географические рамки статистических данных варьируют в пределах европейской части РСФСР и Зауралья. Сведения по окраинным регионам страны по разным причинам в таблицу не включены. В Сибири в силу большей зажиточности крестьян были иные количественные критерии состоятельности, нежели в европейской части России. Данные по Украинской ССР выявлены только с 1922 г., тем не менее материалы по Украине нами используются.

В 1917–1920 гг. в европейской части РСФСР существенные изменения произошли в группах владельцев рабочих лошадей. Удельный вес однолошадных дворов увеличился (с 49,2 до 63,6 %), а дворов с большим числом лошадей — снизился (с 2 головами — с 17,0 до 7,9 %, с 3 головами — с 3,4 до 0,7, с 4 головами и более — с 1,4 до 0,2 %). Сокращение доли безлошадных дворов было минимальным (с 29,0 до 27,6 %). Указанная динамика (резкий рост доли маломощных хозяйств при значительном снижении доли более состоятельных) отражает процесс обеднячивания деревни (нивелировки на низком имущественном уровне).

В 1920/21–1921/22 гг. основной тренд социальной мобильности крестьянства изменился: произошел общий сдвиг вниз. Свидетельством этого является изменение соотношения групп по количеству рабочего скота. В обозначенных в таблице территориальных рамках уменьшилась доля не только групп, владеющих 2 головами и более (по группе «В» — с 13,2 до 8,9 %, по группе «Г» — с 3,0 до 1,3, по группе «Д» — с 2,3 до 0,7 %), но и крестьянских дворов с одной головой рабочего скота (с 53,8 до 51,0 %). В то же время значительно увеличился удельный вес дворов без скота (с 27,7 до 38,0 %). Нивелировка перешла в стадию пауперизации, которая затронула основные земледельческие районы европейской части страны. В пострадавшем от катастрофического недороды 1921 г. Средне-Волжском районе доля дворов

⁸ Данилов В. П. Указ. соч. С. 31.

⁹ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. М., 1975. Т. 3. С. 138, 139.

¹⁰ См.: Данилов В. П. Указ. соч. С. 328, 330.

Таблица

Группировка крестьянских хозяйств по обеспеченности
рабочим скотом в 1917–1926 гг., %

Год	Доля крестьянских хозяйств				
	без скота (группа «А»)	со скотом			
		1 голова (группа «Б»)	2 головы (группа «В»)	3 головы (группа «Г»)	4 головы и более (группа «Д»)
<i>Часть I*</i>					
1917	29,0	49,2	17,0	3,4	1,4
1920	27,6	63,6	7,9	0,7	0,2
<i>Часть II**</i>					
1920	27,7	53,8	13,2	3,0	2,3
1922	38,0	51,0	8,9	1,3	0,7
<i>Часть III***</i>					
1922	39,0	51,4	7,8	1,1	0,7
1923	37,2	53,6	7,6	1,1	0,5
1924	36,3	54,0	8,1	1,1	0,5
<i>Часть IV****</i>					
1925	34,5	53,6	9,5	1,6	0,7
1926	32,9	53,5	10,6	1,9	1,0

* Источник: Хрящева А. И. Группы и классы в крестьянстве: к XIII съезду РКП(б). М., 1924. С. 54. Приведены сведения по 22 губерниям европейской части РСФСР. Указана обеспеченность крестьянских дворов только лошадьми.

** Источник: Статистический ежегодник 1922 и 1923 г. М., 1924. Вып. 1. С. 172, 174, 176. Приведены сведения по 48 административно-территориальным образованиям европейской части РСФСР и Тюменской губернии.

*** Источник: Статистический ежегодник 1924 г. М., 1926. Вып. 1. С. 153. Приведены сведения по 27 административно-территориальным образованиям европейской части РСФСР и Уральской области.

**** Источник: Итоги десятилетия советской власти. 1917–1927. М., 1927. С. 136, 138, 140. Приведены сведения по РСФСР без Сибири, Дальнего Востока, Крымской и Казакской АССР.

без рабочего скота увеличилась с 34,6 до 52,1 %, в Нижне-Волжском — с 26,2 до 48,3 %. Но аналогичные сдвиги произошли и в не затронутых неурожаем районах производящей полосы (в Центрально-Земледельческом районе доля таких дворов выросла с 31,5 до 42,2 %, на Северном Кавказе — с 34,9 до 44,5 %). На Украине рабочего скота в 1922 г. не имело 42,0 % крестьянских дворов.¹¹

Базовым фактором обеднячивания и пауперизации деревни в основных земледельческих регионах страны являлась продовольственная политика государства. С введением разверстки, имевшей реквизиционный характер, крестьяне потеряли всякий стимул к ведению товарного хозяйства и стали сокращать производство сельхозпродукции до потребительских норм, приводя в соответствие с ними количество рабочего скота в хозяйствах. По разверстке у крестьян районов рискованного земледелия изъяли страховые запасы зерна.

¹¹ См.: Статистический ежегодник 1922 и 1923 г. М., 1924. Вып. 1. С. 174, 175; Итоги десятилетия советской власти. 1917–1927. М., 1927. С. 136.

Катастрофический недород 1921 г. в этих условиях привел к массовому разорению деревни и к голоду. В зернопроизводящих регионах, не пострадавших от неурожая, сверхнормативный характер имело изъятие хлеба по первому продналогу. Власти пытались за счет него компенсировать потери от недорода в Поволжье.

В потребляющей полосе европейской части РСФСР изменения в соотношении групп по обеспеченности рабочим скотом в начале 1920-х гг. были незначительными. В 12 губерниях Северного, Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов доля дворов без лошадей увеличилась с 31,0 % в 1920 г. до 31,9 % в 1922 г., с одной лошадейю — осталась неизменной — 62,4 %, с двумя головами рабочего скота, с тремя головами и более — уменьшилась с 6,3 до 5,0 % и с 0,3 до 0,2 % соответственно.¹²

С 1923 г. в стране началось восстановление аграрной экономики на базе нэпа. Хозяйственная состоятельность крестьянства стала расти. Соответствующие изменения происходили

¹² См.: Статистический ежегодник 1924 г. М., 1926. Вып. 1. С. 153.

в группировке крестьянских хозяйств по обеспеченности тягловой силой. Снижался удельный вес дворов без рабочего скота. В 1922 г. в обозначенных в таблице территориальных рамках он составлял 39,0 %, в 1926 г. — 32,9 %. Доля дворов с одной головой рабочего скота в 1922/23–1923/24 гг. выросла с 51,4 до 54,0 %, а затем несколько уменьшилась, составив весной 1926 г. 53,5 %. Снижение доли более состоятельных хозяйств продолжалось некоторое время и после 1922 г. Увеличение группы «В» (с двумя головами рабочего скота) началось в 1923/24 г., групп «Г» и «Д» (с тремя головами рабочего скота, четырьмя и более) — в 1924/25 г. Весной 1926 г. удельный вес группы «В» составлял 10,6 %, группы «Г» — 1,9, группы «Д» — 1,0 %.

Таким образом, социальная мобильность крестьянства в 1922/23–1925/26 гг. приобрела в целом восходящую направленность: доля бедноты снижалась, а середняков и зажиточных — увеличивалась. Однако осереднячивания не произошло. В середине 1920-х гг. так же, как и в начале десятилетия, «центральной фигурой» российской деревни оставалась беднота. Удельный вес крестьянских дворов без рабочего скота и имеющих одну голову по сравнению с 1922 г. снизился, но, тем не менее, весной 1926 г. в обозначенных в таблице территориальных рамках составлял 86,6 %, а с учетом Сибирского края, Украинской и Белорусской ССР — 82,5 %. Маломощным крестьянам, по нашей оценке, принадлежало соответственно более 60 % и около 55 % общего поголовья рабочего скота. В Московско-Промышленном районе доля хозяйств, относимых нами к бедняцким, достигала 96,7 %, в Центрально-Черноземном — 92,6, в Средне-Волжском — 88,0, в Нижне-Волжском — 81,6, в Уральском — 66,8, в Северо-Кавказском — 68,0, на Украине — 75,4 %. Треть от общего числа крестьянских дворов не имела рабочего скота, а половина — владела одной рабочей лошадью или волом. Максимальных значений удельный вес дворов без скота достигал на Северном Кавказе и Украине, в Средне-Волжском, Нижне-Волжском и Центрально-Черноземном районах (соответственно 43,6 %; 38,6; 37,1; 37,0 и 36,5 %).¹³

Изменения в обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим скотом в середине 1920-х гг. были медленными. Качественных сдвигов в уровне бедности крестьянства к концу десятилетия не произошло. В ряде земледельческих

районов негативное влияние на темпы развития сельского хозяйства оказал недород 1924 г. Следует также иметь в виду инерционность коневодства. Для выращивания рабочей лошади требовалось 4 года (вола — 2 года). Однако основным «ингибитором» роста имущественной состоятельности бедноты являлась аграрная политика советского государства в первые годы нэпа. После перехода к нэпу земельные органы, осуществляющие агрообслуживание и землеустройство деревни, были переведены на хозяйственный расчет. Оплачивать услуги земорганов могли только относительно состоятельные дворы. Аналогичная ситуация складывалась в сфере кредитования деревни. Финансово-кредитные организации стремились обеспечить возвратность кредита и поэтому предпочитали иметь дело с более платежеспособными хозяйствами. Беднота, лишенная финансовых ресурсов, не могла приобрести в кредит рабочий скот, инвентарь и сельхозмашины и была вынуждена брать их внаем у зажиточных односельчан на кабальных условиях.

Ритуальные призывы организовать действительную экономическую помощь бедноте звучали с высоких партийных трибун неоднократно. В практическую плоскость эти призывы начали переводиться лишь в 1926 г. Перед земельными органами поставили задачу увеличения объемов их агропомощи бедняцким хозяйствам и соответствующего сокращения зажиточным. Были созданы специальные фонды кредитования бедноты. Для облегчения своевременного возврата ссуд вводились льготные сроки платежей и льготный процент. Однако наладить систему агрономической и кредитной помощи бедноте удалось лишь в 1928 г. В этом году также началось наступление большевистского режима на зажиточное крестьянство. Был введен запрет на кредитование и машиноснабжение представителей этой группы. Ужесточились правила найма рабочей силы и аренды земли. Значительно увеличилась тяжесть налогообложения.

Имеющаяся источниковая база не позволяет точно определить соотношение групп крестьянских хозяйств по обеспеченности рабочим скотом в 1927–1929 гг. С 1927 г. крестьянские хозяйства в обработанных материалах сельхозпереписей стали группироваться по стоимости основных средств производства. Исключение составляет лишь группа дворов без рабочего скота, относительные параметры которой в статистических сборниках приводятся

¹³ Там же.

применительно к 1927 и 1928 гг. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют определить основные тенденции социальных сдвигов в деревне в конце 1920-х гг.

В 1926/27 г., по нашей оценке, общий тренд социальной мобильности крестьянства остался прежним. Численность бедняцких хозяйств продолжала снижаться, а более состоятельных — расти. В 1927 г. удельный вес дворов, не имеющих рабочего скота, в европейской части РСФСР составлял 29,4 %.¹⁴ Это показывает, что к весне 1928 г. значимых сдвигов в направленности социальных процессов в деревне не произошло. Однако в течение года ситуация начала меняться. Данная тенденция была зафиксирована в обработанных материалах добровольных корреспондентов статистических органов. В соответствии с ними, в крестьянских хозяйствах РСФСР, имевших осенью 1927 г. по две головы рабочего скота, к осени 1928 г. численность лошадей снизилась на 2,3 %, волов — на 20,2 %, в хозяйствах с тремя головами — на 6,7 и 37,3 % соответственно, с четырьмя головами и более — на 10,3 и 46,7 %. Более высокие показатели снижения численности волов указывают на то, что процесс сокращения тягла в большей степени затронул земледельческие регионы юга России. На Украине общее снижение тягловой силы в первой из вышеуказанных групп хозяйств составило 13,5 %, во второй — 22,5, в третьей — 30,1 %.¹⁵

В. П. Данилов, опираясь на сведения статкорреспондентов, в том числе на вышеназванные, сделал вывод о том, что группы хозяйств, имевших по две–три головы рабочего скота и более, «под натиском наступления на кулачество» начали сокращаться в 1928 г.¹⁶ В 1929 г. этот процесс продолжился. В 1928/29 г. средняя обеспеченность рабочим скотом хозяйств, официально относимых к «мелкокапиталистическим», сократилась в Центрально-Черноземной области на 11,6 %, в Нижне-Волжском крае — на 13,0, в Средне-Волжской области — на 18,2, в Северо-Кавказском крае — на 19,1, на Украине — на 20,6 %.¹⁷ Осенью 1929 г. сброс рабочего скота в зажиточных хозяйствах усилился. Причинами это-

го были самоликвидации таких хозяйств и начавшееся раскулачивание.

В 1928/29 г. продолжалось сокращение группы хозяйств без рабочего скота. Весной 1929 г. ее удельный вес в европейской части РСФСР составил 25,2 %. Хозяйственный подъем значительной части крестьянских дворов, ранее не имевших рабочего скота, стал следствием проведения государством мер экономической поддержки бедноты, одной из задач которой провозглашалось преодоление безлошадности. Однако и в 1929 г. данная задача была далека от реализации. В основных земледельческих регионах страны удельный вес дворов без рабочего скота был выше, чем в целом по стране, и составлял на Украине 32 %, на Северном Кавказе — 31, в Центрально-Черноземной области — 30, в Нижне-Волжской области — 29 %.¹⁸

В 1928/29 г., а возможно, и в предыдущем учетном году сократившаяся было группа хозяйств с одной головой рабочего скота стала расти. В нее переходили крестьяне, как ранее не имевшие такового, так и владевшие двумя рабочими лошадьми или волами. В итоге к весне 1929 г. совокупный удельный вес бедняцких дворов, по нашей оценке, снизился по сравнению с показателями 1926 г. лишь незначительно и составил около 80 % от общего числа крестьянских хозяйств европейской части РСФСР и Зауралья.

Обозначенные выше изменения соотношения групп хозяйств по количеству рабочего скота в конце 1920-х гг. позволяют сделать вывод о том, что в 1926/27 г. и, возможно, в 1927/28 г. социальная мобильность российской деревни имела восходящую направленность. В 1928/29 г., а возможно на год раньше, общий сдвиг вверх сменился нивелировкой на низком имущественном уровне. Осенью и зимой 1929 г. процесс нивелировки деревни стал еще более интенсивным.

Таким образом, на протяжении всего периода 1920-х гг. абсолютно преобладающей группой российского крестьянства оставалась беднота. Новая экономическая политика действенных механизмов для преодоления деревенской бедности не создала. На основе «мелкого и мельчайшего» крестьянского хозяйства с соответствующим уровнем товарности (или ее фактическим отсутствием) модернизация страны была невозможна.

¹⁴ См.: Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами: стат. сведения о сел. хоз-ве за 1927–1930 гг. М., 1931. С. 73.

¹⁵ См.: Сельское хозяйство СССР. 1925–1928: сб. стат. сведений к XVI Всесоюз. партконференции. М., 1929. С. 212, 213.

¹⁶ Данилов В. П. Указ. соч. С. 41.

¹⁷ См.: Сдвиги в сельском хозяйстве СССР. С. 72, 73.

¹⁸ Там же. С. 92, 170.

Vladimir A. Ilyinykh

Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: agro_iwa@mail.ru

SOCIAL MOBILITY OF THE RUSSIAN PEASANTRY
IN THE LATE 1910S–1920S: CRITERIA, TRENDS, FACTORS

The article reconstructs basic trends of inter-class social mobility of the Russian peasants in the late 1910s–1920s. The amount of tractive force of each peasant household has been used as a criterion to assess its social and material status. Several stages of peasantry's social mobility are determined based on the changing ratio of peasant households' groups with different amounts of draft animals. In 1917–1920s impoverishment of the peasantry took place due to the food policy of the Bolshevik regime and catastrophically poor harvest. In the low yield areas the impoverishment phase moved on to that of pauperization. Since 1923 the agrarian economy of the region had been recovering under the New Economic Policy, while the dominant trend in the peasants' social mobility was their transition to the wealthier social groups up to 1927. In the late 1920s the economic and social pressure on the well-to-do peasants led to leveling them out at a low income level. Despite the changing vectors of social dynamics in the 1920s the poor, not the middle, peasants were an absolutely predominant group in the Russian village. The New Economic Policy didn't provide viable mechanisms to overcome poverty. It was impossible to modernize the country on the basis of small peasant households.

Keywords: *social mobility, peasantry, agrarian policy, NEP, levelling-out of the peasantry*

REFERENCES

- Danilov V. P. *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: sotsial'naya struktura, sotsial'nyye otnosheniya* [Soviet pre-collective farm village: social structure, social relations]. Moscow: Nauka Publ., 1979, 359 p. (in Russ.).
- Esikov S. A. *Krest'yanskoye khozyaystvo Tambovskoy gubernii v gody nepa (1921–1928 gg.)* [Peasant economy of the Tambov province in the years of the New Economic Policy (1921–1928)]. Tambov: TamGTU Publ., 2004, 119 p. (in Russ.).
- Gushchin N. Ya. *Sibirskaya derevnya na puti k sotsializmu. (Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye sibirskoy derevni v gody sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo khozyaystva. 1926–1937 gg.)*. [Siberian village on the road to socialism. (Socio-economic development of the Siberian village in the years of the socialist reconstruction of the national economy. 1926–1937)]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1973, 517 p. (in Russ.).
- Ilyinykh V. A. [Peasant economy in Siberia (late 1890s — early 1940s): trends and stages of development]. *Krest'yanskaya sem'ya i dvor v Sibiri v XX veke: problemy izucheniya* [Peasant family and the yard in Siberia in the 20th century: problems of study]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 1999, pp. 33–75. (in Russ.).
- Istoriya sovetskogo krest'yanstva* [The history of the Soviet peasantry]. Moscow: Nauka Publ., 1986, vol. 1, 456 p. (in Russ.).
- Khryashchev A. I. *Gruppy i klassy v krest'yanstve: k XIII s'yezdu RKP(b)* [Groups and classes in the peasantry: the 13th Congress of the RCP(b)]. Moscow: b. i., 1924, 92 p. (in Russ.).
- Nadkin T. *Stalinskaya agrarnaya politika i krest'yanstvo Mordovii* [Stalin agrarian policy and peasantry of Mordovia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, 311 p. (in Russ.).